

П. А. СЕМЕНОВ,

доцент кафедры русского языка СПбГУП, доктор филологических наук

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СТИЛИСТИКЕ XVIII ВЕКА

(В свете трудов Д. С. Лихачева о «Смеховом мире» Древней Руси)

Вопрос о характере и природе комического в русской литературе XVIII века, и в частности в литературе классицизма, достаточно сложен. Сложность эта во многом связана с тем, что русский классицизм, с одной стороны, тесно связан с классицизмом западно-европейским и с общим процессом европеизации культуры, начавшимся в петровскую эпоху. Вполне закономерно поэтому в пародийных жанрах русской литературы XVIII века — ироикомической поэме, шутотрагедии — видеть продолжение традиций европейских жанров бурлеска и травести. С другой стороны, смеховая культура на Руси име-

ла достаточно длительную историю и прочные традиции (пародийно-сатирические произведения XVII века, скоморошество, балаганный театр и т. п.), которые, в свою очередь, тоже находят параллели в средневековых европейских литературах. Вопрос о том, в какой мере сходство европейского и русского «смеховых миров» является внешним, типологическим и в какой степени — генетическим, обусловленным процессами заимствования, трансплантации и тому подобным, остается открытым.

В задачи настоящего сообщения не входит решение этих сложных вопросов. Мы попытаемся лишь установить, во-первых, какие из особенностей классицистической пародийной стилистики в той или иной степени уже были представлены в смеховой литературе Древней Руси; во-вторых, в какой степени смеховое мировоззрение связано с использованием тех или иных языковых средств. По-

может нам в этом исследовании Д. С. Лихачева «Смех в Древней Руси»¹, в котором определены основные типологические признаки, характеризующие древнерусскую «смеховую культуру».

Как известно, западноевропейская литература знала две разновидности пародий — бурлеск и травести. Первая разновидность принадлежала к демократической литературе и состояла в снижении высокого. Примером ее может служить поэма П. Скаррона «Перелицованный Вергилий», в которой сюжет «Энеиды» Вергилия пересказывается нарочито сниженным языком. Вторая разновидность — травести — была создана в противовес бурлеску теоретиком классицизма Н. Буало (поэма «Налой», представлявшая собой рассказ о мелкой ссоре церковников, написанный высоким слогом). Травестированная ироикомическая поэма классицизма чуждалась просторечия и являлась своего рода аристократической реакцией на бурлеск. (Ср. декларация Буало в «Поэтическом искусстве»: «Бегите подлых слов и грубого уродства, Пусть низкий слог хранит и строй и благородство» и т. п.)

Русская пародийная литература XVIII века активно использовала книжные речевые формулы, наполняя их низменным содержанием (как в травестированной поэме Буало). Однако в русском классицизме поэма-травести в чистом виде практически не представлена. Наиболее известная ироикомическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вакх» В. И. Майкова соединила в себе традиции Буало и Скаррона. Отметим, что произведение перенасыщено просторечием, в ряде случаев весьма грубым. Заметим, что Сумароков, в отличие от Буало, признавал обе разновидности иро-

икомической поэмы — и бурлеск, и травести. В связи с этим, вероятно, можно говорить о своеобразии русского классицизма, о его тесной связи с национальными традициями русской смеховой культуры и согласиться с Д. С. Лихачевым, писавшим, что «искусственное убыстрение культурного развития при Петре способствовало тому, что многие характерные черты Древней Руси сохранили свою значимость для XVIII и XIX веков, — тип смеха в их числе» (с. 403). В то же время сопоставление лингвистической организации пародийных текстов XVII и XVIII веков позволяет заметить и существенные различия между ними. Если демократические авторы XVII века рекрутировали книжные речевые формулы для своих пародий преимущественно из делового языка («Повесть о Ерше Ершовиче») либо из богослужебной литературы, хорошо известной демократическому читателю по церковным службам («Служба кабаку»), то источником книжных формул для писателей, творивших в жанре ироикомической поэмы в XVIII веке, стали высокие жанры классицизма (героическая поэма, ода, трагедия). Поэтому совершенно справедливо замечание Г. А. Гуковского по отношению к поэме В. И. Майкова «Елисей»: «Поэма могла дойти полностью лишь до такого читателя, который обладал элементарным художественным и словесным образованием в духе классицизма: таким читателем прежде всего был человек, приобщенный к столичной культуре. О том же говорят мифологические имена, литературные реминисценции, элементы злободневности и целый ряд литературных намеков, полемических выпадов, пародийных пассажей»².

¹ См.: Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 2.

² Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 179–180.